

УДК 821. 351. 42
ББК 83.3 (2=Чеч.)
Д 40

Джамбекова Т.Б.

Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики преподавания Чеченского государственного педагогического университета, e-mail: ATB-1952@mail.ru

Джамбеков О.А.

Доктор филологических наук, профессор кафедры чеченской филологии Чеченского государственного педагогического университета, e-mail: sharani-999@mail.ru

Константные микроединицы фольклора и особенности их влияния на сюжетно-поэтическую структуру чеченских рассказа и повести в период их зарождения и становления

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматриваются проблемы формирования чеченской литературы, в которой в конце 20-х – начале 30-х гг. исторически обусловленным становится сатирический рассказ. Во многом основанный на фольклоре, он успешно развивается и совершенствуется вплоть до сороковых годов прошлого. Первой попыткой перехода от сбора и публикации национального фольклора к литературному творчеству, к художественному осмыслению новой действительности является рассказы М. Сальмурзаева, И. Эльдарханова, С. Бадиева и некоторых других. Форма и образный строй этих рассказов напрямую выходят к поэтическим качествам сатирико-юмористических произведений. Жанровые и иные поэтические микроединицы фольклора переносятся в ткань произведений, которые отличаются лаконичностью диалогов, экспрессивностью, нравоучительностью литературного текста, малочисленность героев, т.е. качествами, характерными для фольклорных произведений. Устное народное творчество во взаимоотношениях с письменной литературой, пусть даже молодой, не имеющей глубинных традиций, образует, тем не менее, сложные внутрижанровые и стилеформирующие закономерности. В них общности и пограничные линии возникают не только на уровне сюжетостроения или использования поэтических возможностей притчей, коротких сказок и др. видов устного творчества, сколько в освоении и осмыслении той философии и народной мудрости, на которых основано народное миропонимание, народное художественное сознание.

Ключевые слова:

Прозаические жанры фольклора, сатирический рассказ, притча, анекдот, художественное мировоззрение, художественный конфликт, фольклорная микроединица.

Dzhambekova T.B.

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Literature and Methods of Teaching, Chechen State Pedagogical University, Grozny, e-mail: ATB-1952@mail.ru

Dzhambekov O.A.

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Chechen Philology, Chechen State Pedagogical University, Grozny, e-mail: sharani-999@mail.ru

Constant folklore micro-units and their influence on the plot-poetic structure of the Chechen story and short novel in the period of their origin and development

Abstract:

This study discusses the problems of the formation of Chechen literature, in which in the late 1920s and early 1930s a satirical story becomes historically conditional. Largely based on folklore, it successfully evolves, constantly being refined up to the forties of the past century. The first attempt to move from the collection and publication of national folklore to literary creativity, to artistic reflection of the new reality is the stories of M. Salmurzaev, I. Eldarkhanov, S. Baduev and some others. The form and figurative structure of these stories directly go to the poetic qualities of satirical-humorous works. Genre and other poetic folklore micro-units are transferred to the fabric of works, which are distinguished by the brevity of dialogues, expressiveness, moral teaching of literary text, small number of heroes, i.e. qualities characteristic of folklore works. Oral folk creativity in relations with written literature, even though young, having no deep traditions, nevertheless forms complex intra-genre and styling patterns. In them, commonalities and boundary lines arise not only at the level of storytelling or the use of poetic possibilities of parables, short fairy tales and other types of oral creativity, but also in the mastering and understanding of the philosophy and folk wisdom on which the folk world outlook, folk artistic consciousness are based.

Keywords:

Prosaic genres of folklore, satirical story, parable, anecdote, artistic worldview, artistic conflict, folklore micro-unit.

Чеченские писатели в своих первых прозаических произведениях (20–30-е гг.) стали обращаться к прозаическим жанрам фольклора, содержащим в себе сатиру и юмор, в которых, как известно, наиболее открыто и конкретно выражены черты характера народа, его мировоззрение, остроумие и смекалка.

На данном этапе литературовед Х.В. Туркаев в своём монографическом исследовании «Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей» (1978) выделил корни этого явления в чеченской литературе: «Особенности юмора и сатиры чеченского народа, – пишет он, – обусловлены периодом формирования в Чечне феодальных отношений. Юмор и сатира, относящиеся к этому времени, в своём подтексте содержат элементы протеста против

несправедливости... царских старост, судей (кадиев) и приставов, высмеивают наивных, не приспособленных к жизни людей. В юморе и сатире ярко выражены черты характера народа, его остроумие, жизнерадостность. Бичуя отсталое, негодное мешающее обновлению национальной жизни, народ стремится в них пересмотреть исторически установившиеся социально-общественные и нравственно-этические нормы бытия» [1: 264].

Таким образом, смех при изображении действительности в чеченском фольклоре является одним из самых действенных средств. Объект осмеяния почти всегда называется своим именем. «Важным художественным достоинством народных рассказов, сыгравшим значительную роль при зарождении

письменной литературы, явилось то, что они имеют свой миниатюрный сюжет, композицию, действующее лицо» [1: 267].

Как известно, в чеченских притчах, анекдотах повествование основано на реалистичном начале, аллегория в них практически отсутствует. По мысли В. Проппа, «притча отражает социальные отношения, идеологию общества» [2: 65]. В фольклорных произведениях всегда присутствует социальный антагонизм – высмеивается глупость богатых и подчеркивается находчивость, смекалка бедных.

Притча и анекдот оказались жанрообразующими элементами для будущего чеченского рассказа, поскольку они содержат в себе мысль о движении события, эпизода из него, в них всегда присутствуют один или два разнонаправленных идейных, социальных начала, и вывод об антогонизме между героями (их, как правило, один или два).

В тоже время, нельзя утверждать, что в чеченском рассказе 20-х годов XX века встречаются произведения с ярко выраженной политической сатирой, как, например, в сказках М.Е. Салтыкова-Щедрина. Но в них, как известно, достаточно социальных идей, что сыграло важную роль в проявлении идейных взглядов разных представителей общества: «...наличие в народных юмористических и юморо-сатирических произведениях представителей, принадлежащих к разным слоям и имеющих свои определённые черты характера (например, рассказы о похождениях сказителей-юмористов катарюртовского Мази или даевского Чоры) и определённые идейные позиции, сыграло значительную роль в формировании у писателей художественного мировоззрения» [1: 268].

Тенденции к максимальному сближению содержания чеченской сатирической притчи и того, что было в действительности, были обусловлены социальными

противоречиями в обществе. Более того, в фольклоре были все необходимые элементы для развития зарождающейся литературы.

Считается, что первой попыткой перехода от сбора и публикации фольклора к литературному творчеству, к художественному осмыслению новой действительности является рассказ Магомеда Сальмурзаева «Сознательный Хамид» («Кхетаме Хьамид») [3]. В своё время на эту особенность произведения М. Сальмурзаева обратили внимание литературоведы Х.В. Туркаев и Х.Р. Абдуллаева, но, тем не менее, надо сказать, что форма и образный строй этого рассказа напрямую выходят к поэтическим качествам сатирико-юмористических произведений. Жанровые и иные поэтические микроединицы фольклора переносятся в ткань произведения: лаконичность диалогов, экспрессивность, нравоучительность литературного текста, малочисленность героев, т.е. качества, характерные для фольклорных произведений. В связи с этим Х.В. Туркаев отмечает: «Сатирическое или анекдотическое осмеяние представителей старой власти и духовенства, характерное для чеченского фольклора, перенесено в письменную литературу и осмысливается по-новому» [1: 263].

Во второй половине 20-х – начале 30-х годов XX века в формирующейся чеченской литературе проявилось активное развитие эпических жанров, тематически обусловленных новой действительностью, в которых ставились важнейшие вопросы (очерки и рассказы С. Бадиева, М. Мамакаева, С.-Б. Арсанова и др.). Несмотря на небольшой опыт, их произведения представляли собой своеобразную «мастерскую» по обработке фольклорных произведений, в результате чего собственно личностное творчество получило статус авторского, оригинального явления.

В. Корзун в книге «Литература горских народов Северного Кавказа» (1966) справедливо отметил, что

«содержание литературного процесса 20-х годов на Северном Кавказе свидетельствовало об отражении современных событий в фольклоре» [4: 6]. Безусловно, ближе к народным героико-историческим песням оказалась лирика. В этот период воспевали «новых героев», сохраняя пафос и приемы народного творчества в стихах, ставших песнями («Песня об Орджоникидзе» [5], «Слово об Асланбеке») [6] и т.д.

Песни об известных личностях в современной истории создавались по канонам народно-героических произведений, в которых героями были нарты (из одноименного эпоса). Современность проблематики новых произведений не мешала активному проявлению фольклорной поэтики и стилистики. Именно эти особенности характерны и для чеченского литературного процесса 20–30-х годов.

Первые художественные произведения чеченских писателей сохраняли фольклорные тенденции, в том числе и нравоучительный, дидактический элемент, как, например, рассказы И. Эльдарханова даже в названиях отражали эту направленность – «Если мы так будем хвосты рвать, то село основать не сможем» («Иштта вай цЮгарчий дахахь, юрт йиллар хир дац вайн»), «Хорошее слово врага сделало братом» («Дикачу дашо мостагIах – ваша вина») и были ориентированы на современность. И. Эльдарханов создавал свои произведения, с одной стороны, на основе сюжетов народных сказок, сказаний, притчей, с другой, – на основе реальности, осмысливаемой с точки зрения её общественно-публицистической направленности.

Произведения М. Сальмурзаева «Кто глупее?» («Ювдал муьлха хилла?»), «Общий урожай» («Юкъахъ ялта дер»), «Князь Гелага» («Эла Гелага») и другие содержат в себе нравоучительные мотивы, так как были направлены на облагораживание нравов, сохранение лучших качеств чеченского народа. «Эстетическое

направление словесности, – указывает Л.С. Тасуева в монографической работе, посвященной чеченской прозе 20–30-х годов прошлого века, – то есть усилия к исправлению нравов общества, заставляли писателей искать пути к моральному совершенствованию человека в нормах народной этики или собственных наизиданиях, приближённых к ней, чтобы она стала понятной и доступной людям» [7: 10].

Фольклор оказал идейно-эстетическое воздействие и на творчество основоположника чеченской литературы Саида Бадуева, начиная с его ранних рассказов («Адаты») и повестей «Голод» (1927), «Бешто» (1930) и кончая литературно-публицистическими статьями последних лет жизни (1936–1937 гг.). Устное народное творчество выступало в произведениях писателя в качестве одного из формообразующих и стилеобразующих факторов, служило материалом для изображения духовного мира человека. Действия, поступки, внешний и внутренний мир героев, вся палитра художественно-образительных средств, которой пользовался С. Бадуев, имеют в той или иной степени фольклорную основу и вместе с нею складываются в целостное единство.

Исключительно важное значение для развития чеченской прозы 30-х гг. имели две книги рассказов и повестей С. Бадуева под собирательным названием «Адаты» [8]. В них писатель показал в большинстве своём глубоко несчастных людей, совершенно не защищённых от жизненных невзгод, от несправедливости и грубости людей («Адат», «Колодец», «Олдум», «Бауддин», «Зайнап», «Имран», «Месть», и др.).

В основе одного из первых рассказов писателя «Зайнап» лежит фольклорный сюжет, творчески осмысленный и художественно обработанный. В отличие от фольклорного произведения, в рассказе усилена социальная проблематика, несколько изменена характеристика героев,

то есть традиционная тема приобрела современное звучание.

В произведении С. Бадиева речь идёт о молодом чеченце Бектамаре, который полюбил красавицу Зайнап, но не встретил взаимности. И вскоре она стала женой Астамара. Слеплённый ревностью Бектамар решает отомстить счастливому сопернику – похитить его коня. Но Астамар застаёт Бектамара на месте преступления и убивает его. Родственники убитого преследуют Астамара и однажды смертельно ранят его. Умиравший Астамар окружён родными и близкими, но Зайнап не может зайти к мужу в присутствии старших: это запрещено адатом. Она спряталась за занавеской в смежной комнате и тайком наблюдает за мужем...

Следует сказать, что всем ходом повествования С. Бадиев «убеждает читателя в пагубности отживших обычаев, – пишет Н. Музаев, – таких, как кровная месть. Писатель касается не только социальных, но и нравственно-психологических проблем. Его рассказ («Зайнап» – Т.Д., О.Д.) отличает эмоциональность, страстность. Вместе с тем, он не лишён излишней дидактичности и риторики. Это вообще характерная черта первых рассказов чеченских писателей, для которых воспитательные задачи были одними из главных» [9: 29].

Каждый рассказ С. Бадиева – предельно насыщенная драматическая ситуация, из которой непросто найти выход. Писатель предоставляет возможность читателям увидеть всё это со стороны и проанализировать происходящее, отыскать причины. Заслуга С. Бадиева в том, что он первым высветил духовный мир женщины-горянки. Во всём его творчестве, воспроизводящем дореволюционное существование народа, главной страдальницей является женщина. Хорошее знание национально-исторических и социальных качеств народа, полнота изображения его жизни,

этнографическая многокрасочность... позволили писателю нарисовать в рассказах психологически правдивые образы горянок.

Иногда герои С. Бадиева готовы выплакать своё горе, с которым они, как правило, остаются одни. К примеру, слепой Талиб (повесть «Голод») [10: 55–72], возвращаясь домой, каждый вечер останавливается отдохнуть у заветного местечка и навзрыд плачет. Делает это он не от слабости духа, не от того, что более нет мочи противостоять трудностям бытия, а от сознания того, что он, мужчина, не может прокормить свою супругу. Выполнить, тем самым, простую человеческую клятву: содержать и защищать её от всех напастей, данную во время женитьбы.

Близок Олдуму (рассказ «Олдум») и Талибу (повесть «Голод») Бешто (повесть «Бешто»), который, потеряв в одночасье самых близких людей – мать и любимую девушку, до конца своих дней утешает себя молитвами и слезами на их могилах. Трудно в жизни таким, как Олдум, Талиб, Бешто. Обывательское «общественное мнение» не приемлет высоких чувств, оно с сарказмом и высокомерием отвергает их.

Фольклор во взаимоотношениях с литературой, даже молодой, не имеющей глубинных традиций, образует, тем не менее, сложные внутрижанровые и стилиформирующие закономерности – в этом нас убеждает и опыт С. Бадиева в его первых рассказах. В них общности и пограничные линии возникают не только, даже не столько на уровне сюжетостроения или использования поэтических возможностей притчей, сказок и др. видов устного творчества, сколько в освоении и осмыслении той философии и народной мудрости, на которых основано народное миропонимание, народное художественное сознание. С. Бадиев, например, в притче о плененной птичке (рассказ «Олдум»), чётко разграничено располагает сюжетные и мотивные микроединицы фольклорного сказа

и литературного текста; тем не менее, философски они глубоко взаимообусловлены и взаимопроникаемы. Ведь, как справедливо отмечает профессор К.К. Султанов, «подлинно художественный поиск, каким бы новаторским он ни был, удерживает в глубине ощущение первоначала, синтезирует в себе традицию и одновременно ее продление. Литература развивается не только благодаря, но и вопреки фольклору, причем это вопреки не разрыв, а внутреннее отталкивание, полемика, которая, если вдуматься, тоже есть форма связи» [11: 109].

Притча о маленькой птичке косвенно подтверждает непростые переживания героя рассказа, но она и вскрывает глубинные причины его страданий – факт колоритного взаимодействия устно-поэтических сюжетных и мотивных матриц в литературном текстособственно литературных и сказовых моментов. Механизм обусловленности микроединиц того и другого типов художественного мышления в контексте «новых литератур» блестяще разработан Ч. Айтматовым, что позволило ему ставить и решать важнейшие общемировые и общегуманистические задачи средствами слова. За последнее

время существенный прорыв в этом плане сделан в литературах Северного Кавказа (а в них сильны айтматовские традиции) в романах Х.Х. Бештокова «Каменный век», Н. Кюека «Черная гора», «Вино мертвых», в которых литературное творчество вышло на уровень эпического создания в их сложнейшем внутреннем единстве и противоречии.

В конце 20-х – начале 30-х годов XX века в чеченской литературе наблюдается расширение жанрового диапазона, становится ощутимым движение от очерков, рассказов к повести. Повесть возникла как внутренняя необходимость развития национальной литературы. Опыт С. Бадиева в рассказах значительно обогатил жанровые накопления чеченской прозы, расширил её границы и контуры обозрения действительности. Время формирования жанра совпало с социально-экономическими преобразованиями в стране, что во многом ускорило становление более крупной эпической формы – поэмы и романа.

Кроме этого, молодым чеченским писателям необходимо было осваивать крупные жанровые формы, чтобы реализовывать свои растущие художественные возможности.

Примечания:

1. Туркаев Х.В. Исторические судьбы литератур чеченцев и ингушей. Роль русской литературы и родного фольклора в становлении национальных литератур. (60-е годы XIX – 40-е годы XX века). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1978. 348 с.
2. Пропп В.Я. Фольклор и действительность // Русская литература. 1963. № 3.
3. Сальмурзаев М.С. Сознательный Хамид = КхетамеХьамид. Грозный: Серло, 1930.
4. Корзун В.Б. Фольклор горских народов Северного Кавказа. (Дооктябрьский период). Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1978. 204 с.
5. Песня об Орджоникидзе // Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1979. С. 19–20.
6. Слово об Асланбеке // Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1979. С. 24–25.
7. Тасуева Л.С. Чеченская советская проза (20–30-е годы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1975.
8. Бадиев С.С. Алаты. Грозный: Серло, 1930.
9. Музаев Н.Д. Взаимосвязи литератур Северного Кавказа в процессе становления жанров. Грозный, 1974. 236 с.
10. Бадиев С.С. Собр. соч.: в 2 т. Т. 2. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1976. С. 55–72.

11. Султанов К.К. Не храм, а мастерская // Вопросы литературы. 1978. № 8.

References:

1. Turkaev Kh.B. Historical fate of the literatures of the Chechens and Ingushes. Role of the Russian literature and native folklore in the formation of national literatures. (60es of the 19th –40es of the 20th century). Grozny: Chechen-Ingush Publishing house, 1978. P. 348.
2. Propp V.Ya. Folklore and reality // Russian literature. 1963. No. 3. P. 65.
3. Salmurzaev M.S. Conscious Hamid. Grozny: Serlo, 1930.
4. Korzun V.B. Folklore of the mountain peoples of the North Caucasus. (Pre-October period). Grozny: Chechen-Ingush Publishing house, 1978. 204 pp.
5. Song about Ordzhonikidze // Illi. Heroic and epic songs of the Chechens and Ingushes. Grozny: Chechen-Ingush Publishing house, 1979. P.19-20
6. A word about Aslanbek // Illi. Heroic and epic songs of Chechens and Ingushes. Grozny: Chechen-Ingush Publishing house, 1979. P. 24-25
7. Tasueva L.S. Chechen Soviet Prose (20-30es): Diss. abstract for the Cand. of Philology degree. Makhachkala, 1975.
8. Baduev S.S. The adats. Grozny: Serlo, 1930.
9. Muzaev N.D. The interrelationships of the literatures of the North Caucasus in the process of the formation of genres. Grozny, 1974. P. 236.
10. Baduev S.S. Coll. of works in 2 vol. Vol. II. Grozny: Chechen-Ingush Publishing house, 1976. P. 55-72.
11. Sultanov K.K. Not a temple, but a workshop // Problems of Literature. 1978. No. 8.